

УДК 321

DOI 10.24412/3005-8023-2026-1-147-164

СМЕРТНАЯ КАЗНЬ КАК ПОЛИТИЧЕСКИЙ ИНСТИТУТ В ПЛЕЙСТОЦЕНЕ: УТОЧНЕНИЕ ПРИРОДЫ ПОЛИТИКИ *Мельков Сергей Анатольевич*, д-р полит. наук, профессор, профессор кафедры рекламы и связей с общественностью в медиаиндустрии ФГАОУ ВО «Московский политехнический университет»;

Перенджиев Александр Николаевич, канд. полит. наук, доцент кафедры политологии и социологии РЭУ им. Г.В. Плеханова (Москва, Россия)

ҚАЗОЙ ҚАТЛ ЧУН ИНСТИТУТИ СИЁСӢ ДАР ПЛЕЙСТОЦЕН: АНИҚ КАРДАНИ ТАБИАТИ СИЁСӢ *Мелков Сергей Анатольевич*, д.и.сиёсӣ, профессор, муdiri кафедраи реклама ва робита бо чомаи медиаиндустрияи МФДМТ МО “Донишгоҳи политехникии Москва”; *Перенджиев Александр Николаевич*, н.и.сиёсӣ, дотсенти кафедраи сиёсатишиносӣ ва ҷамъиятишиносии ДИР ба номи Г.В. Плеханов (Москва, Русия)

THE DEATH PENALTY AS A POLITICAL INSTITUTION IN THE PLEISTOCENE: CLARIFYING THE NATURE OF POLITICS *Melkov Sergey Anatolyevich*, doctor in Politology, professor of the department of advertising and public relations in the media industry FSAEI HE (Federal State Autonomous Educational Institution of Higher Education “Moscow Polytechnic University”) “Moscow Polytechnic University”; *Perendzhiev Alexander Nikolaevich*, candidate in Politology, associate professor of the department of political science and sociology, Plekhanov Russian University of Economics (Moscow, Russia)
e-mail: 304304@mail.ru

Актуальность. Для сохранения политологии как самостоятельной науки необходимо продолжить осмысление ее объекта за счет изучения природы политики, возникшей в плейстоцене. **Целью исследования** выступает уточнение природы политики путём осмысления генезиса формирования в плейстоцене такого политического института, как смертная казнь. **Задачами исследования** являются: актуализация проблем в осмыслении политики отечественной политологией, рассмотрение генезиса смертной казни как результата самоодомашнивания (доместикации) человека в плейстоцене и ограничения реактивной агрессии, уточнение динамики институционального формирования проактивной агрессии у охотников-собирателей. **Методология.** При решении задач исследования в целом нашли применение исторический и компаративистский методы. Для выявления общих мнений и сюжетов у антропологов, социобиологов и приматологов применялись методы синтеза, сравнительного анализа и институционального анализа. В целях аналитической обработки источников применялся метод экстраполяции. Использовалась теория парохильного альтруизма. **Результаты исследования.** Сложившиеся в плейстоцене внутригрупповые отношения у наших предков могут быть оценены как эгалитаристские. В результате самоодомашнивания в группах охотников-собирателей сложились миролюбивые, добродетельные отношения и резко снизился уровень реактивной агрессии, чему способствовал анимизм. Но против агрессивных мужчин в этих группах сформировался новый тип агрессии – проактивная. С появлением речи одной из ее институциональных форм стала организованная и спланированная

группой мужчин смертная казнь, применявшаяся против доминирования наиболее агрессивного мужчины в группе. Можно считать институт смертной казни политическим, поскольку он обеспечивал внутригрупповую безопасность, препятствовал доминированию, формировал многочисленные табу и поддерживал общественную власть у *Homo sapiens*. **Выводы.** Выявлена зависимость изобретения нашими предками смертной казни формирующейся мужской властью и одомашниванием человека в плейстоцене. Уточнено, что исторически власть у охотников-собираателей стала результатом борьбы нескольких сильных мужчин с доминированием самого агрессивного мужчины, и это привело к возникновению новой власти – власти мужской коалиции. Доказано, что эволюционное ограничение реактивной агрессии у наших предков привело к усилению проактивной (организованной и тщательно спланированной) агрессии, а первым политическим институтом в плейстоцене стала смертная казнь.

Ключевые слова: анимизм, добродетель, доместикация, мужская власть, одомашнивание, парохильный альтруизм, плейстоцен, политические институты, природа политики, проактивная агрессия, реактивная агрессия, репутация, смертная казнь, табу, эгалитаризм

Мубрамият. Барои нигоҳ доштани сиёсатиносии чун илми мустиқил дарки объекти он аз ҳисоби таҳқиқи табиати сиёсат, ки дар плейстотсен пайдо шудааст, зарур мебошад. **Мақсади таҳқиқ** аниқ кардани табиати сиёсат бо роҳи дарки таҳаввули ташаккули чунин институти сиёсӣ чун ҷазои қатл дар плейстотсен мебошад. **Вазифаи таҳқиқ** фаъолгардонии масоил дар дарки сиёсат аз ҷониби сиёсатиносии ватанӣ, баррасии ҷазои қатл чун натиҷаи худромкунии (доместинация) инсон дар плейстотсен ва маҳдуд кардани таҷовузи реактивӣ, аниқ кардани динамикаи ташаккули институтсионалии таҷовузи абарфаъолона ё пешгирикунандаи шикорчиён-ҷамъкунандагон мебошад. **Методология.** Ҳангоми ҳалли вазифаҳои таҳқиқ умуман методҳои таърихӣ ва компаративистӣ (қиёсӣ) истифода шудаанд. Барои ёфтани афкори сюжетҳои умумӣ дар антропологҳо, сотсиобиологҳо ва приматологҳо методҳои синтез, таҳлили қиёсӣ ва таҳлили институтсионалӣ истифода шудаанд. Ба мақсади коркарди таҳлили сарҷаишаҳо методи экстрополятсия мавриди истифода қарор гирифт. **Натиҷаи таҳқиқ.** Муносибатҳои дохилигурӯҳии дар аҷдоди мо дар плейстотсен ба миёномадаро чун эгалитаристӣ арзёбӣ кардан мумкин аст. Дар натиҷаи худромкунӣ дар гурӯҳҳои шикорчиён-ҷамъкунандагон муносибатҳои сулҳхоҳона, хайрандешона ташаккул ёфта, сатҳи таҷовузкорони реактивӣ якбора паст шуд, ки анимизм ба он мусоидат кард. Вале зидди мардони таҷовузкор дар ин гурӯҳҳо намуди нави таҷовузкорӣ – таҷовузкориҳои абарфаъолона ё пешгирикунанда ташаккул ёфт. Баробари пайдо шудани нутқ яке аз шаклҳои институтсионалии он ҷазои қатл гардид, ки гурӯҳи мардон ташиқил ва нақшагирӣ карда буданд. Ҷазои қатл зидди афзалиятҷӯиҳои марди аз ҳама таҷовузкор дар гурӯҳ татбиқ мешуд. Институти ҷазои қатлро сиёсӣ шуморидан мумкин аст, зеро он амнияти дохилигурӯҳиро таъмин мекард, ба афзалиятҷӯиӣ мамониат менамуд, табуҳои сершуморро ташаккул меод ва ҳокимияти ҷамъиятии *Homo sapiens*-ро нигоҳ меоид. **Хулосаҳо.** Вобастагии аз ҷониби аҷдодамон ихтироъ гардидани ҷазои қатл бо ҳокимияти ташаккулёбандаи мардон ва ромшавии инсон дар плейстотсен ошкор карда шудааст. Аниқ карда шудааст, ки ҳокимияти таърихии шикорчиён – ҷамъкунандагон натиҷаи муборизаи якчанд мардони боқувват бо афзалияти марди аз ҳама таҷовузкор буд ва ин боиси пайдо шудани ҳокимияти нав – ҳокимияти иттиҳоди мардон гардид. Исбот шудааст, ки маҳдуд кардани таҳаввулоти таҷовузи реактивӣ дар аҷдоди мо боиси тақвияти таҷовузи абарфаъолона ё таҷовузи пешгирикунанда (муташиқил ва дақиқан

нақшағиришуда) шуд ва ҷазои қатл институти сиёсии яқум дар плейстотсен буд.

Калидвожаҳо: анимизм, накукорӣ, domestikатсия, ҳокимияти мардон, ромкунӣ, бегаразии парохиялӣ, таҷовузкориҳои реактивӣ, обрӯю этибор, ҷазои қатл, табу, эгалитаризм

Relevance. To preserve political science as an independent discipline, it is necessary to continue understanding its object by studying the nature of politics that emerged in the Pleistocene. The aim of the study is to clarify the nature of politics by understanding the genesis of the formation of such a political institution as the death penalty in the Pleistocene. **The objectives of the study are:** to actualize the problems in understanding politics by Russian political science, to consider the genesis of the death penalty as a result of self-domestication of man in the Pleistocene and the limitation of reactive aggression, clarification of the dynamics of the institutional formation of proactive aggression among hunter-gatherers. **Methodology.** Historical and comparative methods were used to address the overall research objectives. To identify common themes and themes among anthropologists, sociobiologists, and primatologists, methods of synthesis, comparative analysis, and institutional analysis were employed. Extrapolation was employed to analyze the sources. The theory of parochial altruism was used. The study's **results indicate** that the intragroup relationships among our ancestors that developed during the Pleistocene can be assessed as egalitarian. As a result of self-domestication, peaceful, virtuous relationships developed in hunter-gatherer groups, and reactive aggression declined sharply, facilitated by animism. However, a new type of aggression developed against aggressive men in these groups—proactive aggression. With the advent of speech, one of its institutional forms became the organized and planned death penalty by a group of men, applied against the dominance of the most aggressive man in the group. The institution of the death penalty can be considered political because it ensured intra-group security, prevented dominance, formed numerous taboos, and supported social power among *Homo sapiens*. **Conclusions:** The relationship between our ancestors' invention of the death penalty and the development of male power and human domestication during the Pleistocene has been established. It is clarified that historically, power among hunter-gatherers was the result of the struggle of several strong men with the dominance of the most aggressive man, and this led to the emergence of a new power – the power of the male coalition. It has been shown that the evolutionary limitation of reactive aggression in our ancestors led to an increase in proactive (organized and carefully planned) aggression, and the first political institution in the Pleistocene was the death penalty.

Key-words: animism, virtue, domestication, male power, domestication, parochial altruism, Pleistocene, political institutions, nature of politics, proactive aggression, reactive aggression, reputation, capital punishment, taboo, egalitarianism

Конфликт интересов: авторы декларируют отсутствие явных и потенциальных конфликтов интересов, связанных с публикацией настоящей статьи.

Введение. Внутри отечественной политической науки² за более чем 30 лет её существования «возникло много новейших направлений, областей исследований» [1, с. 167-177]. В основном – на стыке с «родственными» по объекту исследования гуманитарными науками: политической философией, политической социологией, политической историей, политической психологией, политической антропологией, политической элитологией и т.п.

Способствует ли появление научной специальности 5.5.3 «Государственное управление и отраслевые политики» активизации отечественных политологических исследований,

² Далее политология и политическая наука в статье рассматриваются как синонимы.

особенно прикладных? Ранее подавляющее число отраслевых политик изучалось с точки зрения других гуманитарных наук (не политологии). К примеру, представители экономической науки изучают такие виды отраслевых политик, как агропромышленная политика, промышленная политика, финансовая политика, и многие другие. Кстати, ранее специалисты Центра проблемного анализа и государственно-управленческого проектирования включали в структуру экономической политики в прямой постановке 33 (!) вида других политик [2, с. 44]. Обратим внимание: все перечисленные виды отраслевых политик являются составными частями экономической политики, которая, по сути, явно недостаточно изучалась политологами, к примеру ее методология и инструментарий (хотя и появилась экономическая политология), зато постоянно – экономистами [3].

Пока в отечественных научном и экспертном сообществах нет, пусть и относительной, но все же договоренности о предметно-объектном и проблемном поле политической науки, ее специализация продолжается. Так, Е. С. Устинович в 2021 г. не случайно писала на конкретном примере: «...политико-экономические научные исследования несколько запоздали по сравнению с фактом появления учебной литературы по экономической политологии. Это важное обстоятельство, на наш взгляд, объясняет возникшую дискуссию в 2016 г. относительно предмета экономической политологии ... не была подхвачена политологическим сообществом в то время» [1, с. 172]. Например, экономика славится тем, что «не любит допускать к своему предмету другие социальные науки» [4, с. 4].

Неясно: может ли политическая наука в нашей стране хоть каким-то образом формировать политическую повестку дня? Например, до недавнего времени существовал Фонд «Институт социально-экономических и политических исследований» (далее – ИСЭПИ), который видел своей миссией разработку и продвижение среди представителей власти, а также в экспертном сообществе высоких принципов и стандартов профессионального аналитического сопровождения принятия и реализации стратегических управленческих решений. Одной из главных задач Фонда было взаимодействие со всеми субъектами политического процесса, кто придерживается высоких стандартов исследовательской и аналитической деятельности и готов к цивилизованной публичной полемике по общественно значимым вопросам [5], то есть, способен влиять на формирование политической повестки дня. Однако, изучая архивный сайт ИСЭПИ и новостной поток его деятельности, мы обратили внимание, что, по факту, ИСЭПИ занимался в основном определением рейтингов ведущих российских политиков и политических партий, топ-10 законодательных инициатив российских депутатов [6]. По сути, ИСЭПИ дублировал работу российских социологических служб – ВЦИОМ и Фонда «Общественное мнение», которые ежемесячно проводят такую работу. Возможно, именно поэтому ИСЭПИ в апреле 2016 г. фактически прекратил свою работу. Полагаем, что данный пример показывает: у организаций, считающих себя исследовательскими, на практике не получается влиять на формирование отечественной политической повестки.

Также неясно: каковы содержание и результативность в нашей стране политологической (не политической, а научной) дискуссии? Считаю, что со стороны высшей власти в России, высших органов власти не поступает информация о том, какие положения резолюций научных политологических конференций были приняты к сведению и реализованы на практике. В последние годы отсутствует какая-либо статистика по этому вопросу (ранее такой анализ периодически все же проводился [7]).

Неясно также: насколько проводимые политологические исследования отражают еще чьи-либо интересы, кроме отдельных ученых и/или образовательных учреждений? Подобный вопрос, похоже, не ставился в научных, прежде всего в политологических, кругах.

Насколько институализирована сегодня в России политическая наука? Заменяли ли экспертные и общественные советы при федеральных и иных органах исполнительной власти (далее – ОИВ) негосударственные политологические сообщества? В настоящее время весьма трудно найти информацию об организации и проведении тем или иным общественным советом при ОИВ научно-практической конференции по обсуждению насущных общественных проблем.³ А ведь в научном политологическом сообществе зачастую существует понимание политики именно в связи с решением насущных для общества проблем [8, с. 129].

В российских СМИ выступает немалое количество так называемых экспертов-политологов. Когда в СМИ комментируются и оцениваются политические события и факты, их профессионализм, как правило, не влияет на карьерный рост по основному месту их работы. Отсутствует какая-либо официальная система их поощрений и поддержки со стороны государственных, муниципальных, общественных, партийных и информационных органов, что, с нашей точки зрения, актуализирует факт: профессия политолога в нашей стране в принципе не сложилась.

Ученые-политологи в основном любят теоретизировать, т.е. проводить теоретические исследования либо вне диссертационных исследований вообще не заявлять методы исследования (не пояснять: какие конкретные методы позволяют им приходиться к тем или иным выводам, давать те или иные рекомендации). То есть, зачастую методологические исследования объектно-предметного поля политологии носят философский, по сути созерцательный, характер и не имеют практической значимости, как, впрочем, в них отсутствуют и результаты эмпирических исследований.⁴

Пожалуй, именно для решения обозначенных проблем и повышения практической значимости политической науки и была введена научная специальность 5.5.3 «Государственное управление и отраслевые политики». Считаем, что появление в наименовании новой научной специальности понятия «отраслевые политики» все же приведет к тому, что в ее рамках в органах государственной власти будут проводиться прикладные исследования по профилю и результатам их деятельности [9, с. 111].

Методология. Налицо большое количество изучаемых политологами научных проблем. Например, изучив мнение профессора Л. В. Сморгунова, выделим несколько проблем в развитии в России современной политической науки:

1. Нет чёткого разделения между терминами «политика» и «государственная политика». Многие исследователи и преподаватели вузов полагают, что главный субъект политики – это государство, что, собственно, стирает разницу между терминами «политика» и «госполитика».⁵ Тем более, что особенное неприятие у многих вызывает

³ Опыт работы одного из авторов (А. Н. Перенджиева) в составе экспертного совета Общероссийской общественной организации «Офицеры России» позволяет сделать вывод, что работа подобных советов строится в качестве общественно-пиаровского «придатка» органов госвласти (в данном случае - силовых структур) и по факту не направлена на проведение научных исследований.

⁴ Мы не против философско-теоретических методов, но все же считаем их сегодня недостаточными для того, чтобы исследования политологов влияли на принимаемые социально значимые решения.

⁵ Налицо явное противоречие: устно признаётся важная роль в политике многих субъектов, таких как транснациональные корпорации, международные кредитные организации (Международный валютный фонд, Всемирный банк, Международный банк реконструкции и развития), а также наднациональных структур (Евросоюз, БРИКС, ШОС, ООН и т.д.) и

термин «негосударственная политика» (это неприятие один из авторов статьи, А.Н. Перенджиев, многократно ощущал, общаясь со своими коллегами из профессорско-преподавательского состава).

2. В настоящее время нечётко разделены термины «государственная политика» и «государственная деятельность». Зачастую сам термин «политика» понимается студентами-политологами слишком, на наш взгляд, упрощённо – как искусство управления государством (но есть немало случаев, когда они не могут дать никакого определения. Речь идёт о студентах бакалавриата 3-4 курсов). То есть, термины «государственное и муниципальное управление», «государственная деятельность», «государственная политика» и «политика» смешиваются в одно целое, причем многими педагогами, даже преподающими политологические дисциплины. Авторы статьи не приемлют подход, когда политологию в вузах преподают педагоги, никогда самостоятельно (ключевое слово) не проводившие политологические или политические исследования.

3. В свою очередь, в российском политологическом поле фактически отсутствуют исследования различий между терминами «политическое управление», «политическое регулирование», «государственное управление» и «государственное регулирование» [10]. Фактически их употребляют многие знакомые одного из авторов статьи (А.Н. Перенджиева) – доктора и кандидаты политических наук, аспиранты, исследователи в сфере политической науки – как равнозначные по сути дефиниции.

4. Другие науки также используют термин «политика». При этом исследования видов государственной политики зачастую отдаются политологами «на откуп» представителям других направлений науки. Например, экономическую политику [11] и все её подвиды (продовольственную политику, промышленную политику и т.д.) исследуют учёные-экономисты, правовую политику – учёные-юристы, культурную политику – ученые-культурологи и т.д. А есть ученые (т.н. «чистые») управленцы, математики, специалисты по безопасности жизнедеятельности и др.), рассматривающие политику с самых разных точек зрения в рамках своих наук и/или прикладной деятельности [12].

Вышеприведенные доводы/обстоятельства/факты наносят ущерб развитию самой политической науки, прежде всего ее дальнейшему развитию, идентичности, методологии и формированию научных политологических парадигм. Одновременно существует риск размывания самой политической науки в других направлениях науки, в особенности таких, как экономика, социология, культурология, государствоведение, в случае дальнейшего ухода политологов от исследования вышеназванных проблем в п.п. 1-5 актуальности. Мы считаем серьезной современной методологической проблемой фактическую крайне слабую сочетаемость политического и политологического пространств.

Полагаем, что в перспективе политическая наука в лучшем случае может стать лишь придатком других гуманитарных наук и учебных дисциплин: «Государствоведение» («Основы российской государственности», «Система государственного и муниципального управления», и др.), экономической науки и менеджмента («Государственная экономическая политика», «Глобальная экономическая политика», «Государственное регулирование экономики» и др.), юриспруденции («История политических и правовых учений», «Основы правовой политики РФ», «Теория государства и права» и др.).

В худшем случае возможна ликвидация/исчезновение самой политической науки как таковой (мы имеем в виду, в первую очередь, ее официальный статус). Для такого опасения есть основания. Так, например, Президент России выразил сомнение, что политологию можно

политических партий (термин «партийная политика»). А по факту в основном преподается только государственная политика.

классифицировать как науку, потому что сложно найти метод исследования, присущий только этой области знаний. Он сказал об этом на встрече с победителями четвертого сезона конкурса «Лидеры России» в 2022 году [13].

Кроме этого, 17 февраля 2025 г. газета «Коммерсант» сообщила о том, что Минобрнауки России сократит небюджетные позиции в вузах по невостребованным направлениям. В число таких направлений вошла и политология. Их квоты перераспределят в пользу технических, инженерных и IT-специальностей. Изменения планируются на 2026 год. Как пишет газета «Известия», если раньше вузы сами выделяли квоты на платные места, то теперь это будет делать Минобрнауки [14]. То есть, специальность «Политология» признана недостаточно востребованной на рынке труда? Что уже создаёт условия для признания, как минимум, потенциально невостребованной (мало востребованной) и саму политическую науку – во всяком случае, для высших отечественных органов государственной власти.

Кроме того, сегодня в Министерстве науки и высшего образования РФ экспертный совет по политическим наукам в открытом (т.е. в несекретном) варианте на сегодняшний день совмещен с правовыми науками.

Гипотеза исследования: политика остаётся важной сферой взаимоотношений между властью и обществом. Однако в обществе и вокруг властителей может формироваться система ограничения их власти и влияния на действия властителей. Именно в плейстоцене, когда *Homo sapiens* самоодомашнился, сформировался такой, по сути, политический институт, как публичная казнь, в целях недопущения сильными (обладающими социальной силой и способными договориться друг с другом) мужчинами тирании и неограниченного господства самого агрессивного мужчины. Организация (подчеркнем важность этого слова) публичной казни самых агрессивных мужчин стала первым механизмом социализации проактивной агрессии у охотников-собираателей и в будущем сформировала другие внутригрупповые⁶ механизмы (дарообмен, вожизм, торговлю, а затем государство).

Результаты и их обсуждение. При всей ставшей чуть ли не самоочевидной сутью политики как явления и процесса (процессов), мы все же считаем, что российская политическая наука после своего возникновения (около 40 лет назад) не внесла существенного вклада в продолжение осмысления (в ее развитие) собственного объекта научными методами. Во многом была скопирована западная методология, а вот её развития мы сегодня почти не видим: речь идет не о теории политики, а о методологии осмысления политической реальности. Но и согласимся с объективной трудностью: «... политика и дальше останется вечно ускользающим от человека явлением, смыслы которого будут динамично меняться в зависимости от его интересов, степени развития социума и его способностей в использовании политических инструментов применения власти и распределения общественных ресурсов» [15].

Сегодня политика зачастую определяется как «объективно обусловленное и целенаправленное участие больших масс людей, организованных социальных групп в делах государства, в решении проблем, относящихся к жизни общества в целом, с помощью использования властных механизмов. Сущность политики – в использовании власти» [16, с. 71]. Приведем еще одну цитату из учебника: «Политология – это наука о политике, то есть особой сфере жизнедеятельности людей, связанной с властными отношениями, с государственно-политической организацией общества, политическими институтами, принципами, нормами, действие которых призвано обеспечить

⁶ Такой институт внегрупповой направленности, как война и её природа, в статье не рассматриваются.

функционирование общества, взаимоотношения между людьми, обществом и государством» [17, с. 12]. Обратим внимание на ключевые слова в этих определениях: власть, государство, общество, институты. Всё происходящее внутри высшей власти и ее отношения с государственной властью изучают сегодня элитология и кратология.

Для нас очевидно, что **степень воздействия** власти на общество намного выше, чем общества на власть. Например, в период выборов органов власти, если мы говорим о правовых и демократических выборных процедурах. Существуют и неправовые формы воздействия отдельных социальных групп общества на власть в виде проявления протестных настроений и экстремистских выступлений (как, впрочем, есть и обратные формы неправовых действий: мы имеем в виду политические репрессии и ужесточение политического режима, политическую юстицию, хунту и т.п.). Таким образом, политика сегодня понимается как некая сфера взаимодействия между высшей и государственной властью и обществом, а также внутри самой власти. Здесь также обратим внимание, что и политолог также, по сути, должен в идеале являться специалистом по взаимодействию между властью и обществом. Существуют еще стратификационные и правовые дефиниции политики, ее этические определения, институциональные и антропологические (социобиологические) трактовки [18, с. 8-15].

Надо, полагаем, искать новое (или уточнять имеющееся) объяснение сути политики⁷ через уточнение ее природы⁸. Конечно, это наше утверждение противоречит суждению, именуемому бритвой Оккавы: не стоит умножать число сущностей сверх необходимого. Но сегодня у политической науки и исследователей накопилось много вопросов, на которые фактически нет ответов. Часть этих вопросов кратко изложена во введении к данной статье. Подчеркнем, что как раз сегодня настало время для тщательного изучения природы политики – без этого, скорее всего, не получится переосмыслить ее суть. Протицируем мнение профессора А. А. Аузана: «Нам хочется видеть картину мира ... но не хватает прежних сущностей для понимания того, что происходит вокруг» [20, с. 13].

Американский социобиолог, дважды лауреат Пулитцеровской премии Э. Уилсон писал: «... из всех животных, когда-либо существовавших на Земле, лишь один вид достиг человеческого уровня интеллекта и социальной организации – это мы, люди. Почему?». Единственный способ ответить на этот вопрос Э. Уилсон видит в исследовании эволюционной (!) истории так называемых «социальных» животных. Он «насчитывает, по крайней мере, 17 так называемых эусоциальных видов, обладающих развитыми сообществами, основанными на альтруизме, сотрудничестве и разделении труда. Именно эти немногочисленные виды, – как считает Э. Уилсон, – демонстрируют предысторию человеческих социальных моделей» [21]. Похоже, что люди начали создавать институты (например политические: смертную казнь, полюдь, щедрость вождя, вожество, «власть-собственность» и др.) еще в позднем плейстоцене, то есть задолго до появления протогосударства⁹, сельского хозяйства и собственности (и иных многочисленных

⁷ Обратим внимание на позицию американского социобиолога Ф. де Вааля, обнаружившего «зачатки» политики не только у древних людей, но и у наших ближайших родственников – шимпанзе [19].

⁸ Считаю, что быстро изменить наше представление о таком объемном объекте, как политика, невозможно.

⁹ В XX веке догадку о появлении значительно раньше государства такого институционального образования, как партия, высказал немецкий политический философ К. Шмитт: «Государство как высшие правящие круги, как институционализируемая организация с бюрократией и централизованным управлением, не может быть

экономических институтов¹⁰), а эволюция их закрепила. При этом мы согласны с социобиологом Ф. де Ваалем, писавшим: «... наша политическая деятельность представляется частью эволюционного наследия, которое мы разделяем с нашими ближайшими родственниками ... корни политики старше самого человечества» [19, с. 252].

Какова же эволюционная природа политики? Авторы нашли вариант ответа на этот вопрос в трудах социобиологов, антропологов, приматологов и биологов. В отличие от Аристотеля¹¹ и последующих исследователей¹² (связывавших появление Политического как явления с усложнением социальной жизни в связи резким увеличением количества совместно проживавших людей, которые от природы нуждаются в управлении), некоторые вышеперечисленные ученые связывают появление политики у людей с **одомашниванием** (самоодомашниванием), которое могло начаться примерно 250-300 тыс. лет назад [24, с. 74]. Под одомашниванием обычно понимается врожденная способность мирно взаимодействовать с другими людьми с низким порогом реактивной (природной) агрессии и повышенной способностью к кооперации [24, с. 248].

В результате самоодомашнивания резко снизилась склонность наших предков к конфликтам внутри социальных групп, то есть у них сильно **уменьшилась/снизилась реактивная агрессия**. Фактически о снижении природной агрессии у человека мы узнали из трудов Э. Уилсона, Ф. де Ваала, М. Ридли, Б. Хэйра и В. Вудс, Т. Юнкера, К. Лоренца, Р. Александера, Р. Рэнгема, Ю. Н. Харири. Они писали о том, что наша сегодняшняя миролюбивость возникла в ходе эволюционного отбора (то есть, не была никем специально сформирована) против реактивной агрессии, как побочный эффект отбора на другой признак: **повышенный самоконтроль**. Точно написал М. Ридли: «... своими корнями общество уходит гораздо глубже, чем мы думаем. Оно работает не потому, что мы сознательно его изобрели, а потому, что оно есть древний продукт наших эволюционировавших склонностей и заключено в самой природе человека» [25, с. 16].

По сути, одомашнивание «расширяет окно социализации» (период, когда дети перестают надеяться на родителей и вынуждены сами принимать взрослые решения), а детство у человека сильно растянуто по сравнению с другими приматами. Мы, люди, также имеем повышенные способности к обучению и кооперации как развитым социальным навыкам [24, с. 249]. Перечисленные нами ученые объясняют снижение реактивной агрессии тем, что отбор снижает страх против нее (при этом почти все

сто процентно тоталитарным. Но странным образом, такова партия, то есть часть, которая встает над целым, чтобы осуществить, так сказать, истинное или всеохватное Целое, грядущее, новое Целое, новое единство, новое политическое единство». Появление политической фигуры (политика) К. Шмитт тесно связывал с появлением партийца (принадлежащего группе), «поскольку политическое мышление начинается с деления на партии» [22, с. 168-169].

¹⁰ Имеются в виду рукопожатие, вырастающее из груминга, частная собственность, рынок (обмен) и т.д.

¹¹ Напомним: Аристотель считал Человека политическим животным, поскольку он может жить только среди себе подобных и потому нуждается в управлении. Но мы считаем, что это скорее характеристика Человека как нуждающегося в управлении социального животного, чем собственно животного политического. Поясним: управление и политика синонимами, с нашей точки зрения, не являются.

¹² Согласно «гипотезе Макиавелли», конфликты внутри социальной группы «... были важной движущей силой развития умственных способностей ... основная задача интеллекта – решение социальных проблем» [23].

перечисленные ученые ссылаются на исследования советского генетика Д. К. Беляева по доместикации¹³ чернухурых лис [26]).

Однако снижение реактивной агрессивности большинства людей и повышение социальной терпимости, начавшееся примерно 250-300 тысяч лет назад, привели к формированию морали (нравственной добродетели). При этом, например, Ч. Дарвин, а за ним и многие последующие приматологи, антропологи, биологи и социобиологи задались целью понять: как общество справляется с гиперактивными мужчинами? В современном обществе преступников и агрессивных правонарушителей карает закон. Но тех общественных институтов (в т. ч. права), которые осуществляли (и осуществляют) наказание преступников во времена существования государства, не было в догосударственные времена в сообществах охотников-собирателей. При этом Ч. Дарвин считал, что доисторические сообщества, несмотря на все отличия от современных, все равно могли иметь способы расправы со «злыми и неуживчивыми людьми». И если излишне агрессивные мужчины всегда подвергались тем или иным наказаниям, снижавшим их репродуктивный успех, то такая «выбраковка жестокости», продолжавшаяся в течение многих десятков или даже сотен тысячелетий, могла привести к эволюционным изменениям. Согласно теории Ч. Дарвина, существование морали объяснялось существованием древней системы смертной казни¹⁴, которая изымала из общества эгоистичных и безнравственных людей и тем самым стимулировала отбор против эгоизма и в пользу социальной терпимости¹⁵.

Дарвин был первым, кто сформулировал гипотезу парохильного альтруизма¹⁶. Она объясняет, почему отбор поощрял кооперацию, а гипотеза о смертной казни объясняет, почему у наших предков снизился уровень агрессии. Мысль Дарвина заключалась в том, что конфликтующие со своими соседями группы нуждаются во внутригрупповой солидарности. Поэтому Дарвин писал о двух любопытных свойствах человеческой природы – **склонности к кооперации и к войне** – и сделал предположение, что успешная кооперация со своими и есть результат успешной войны с чужими. «Люди, воспитанные в страхе, испытывают неприязнь к авторитету и хотят бросить ему вызов, как бы открыто они не поддерживали его ценности» [27, с. 96].

Со временем ученые пришли к мысли, что в основе морали и нравственности была **репутация** – оценка личных качеств индивида, которую выносят другие (!) люди. Не случайно эволюционные биологи доказывают, что в ходе эволюции человека владение речью в какой-то момент достигло уровня, при котором стали **возможны сплетни**, а

¹³ Доместикация – одомашнивание животных, в результате чего они приобретают новые хозяйственно-полезные признаки, вырабатываются рефлексы, обеспечивающие их постоянное общение с человеком.

¹⁴ Обратим внимание: речь идет не просто об убийстве таких людей. Смертная казнь, или просто казнь – лишение жизни человека в качестве наказания (!), узаконенного государством и осуществляемого по вступившему в силу приговору суда или (исторически) по решению иных государственных или военных органов. Похоже, что в догосударственный период его место занимало общественное мнение.

¹⁵ В данном абзаце авторы фактически цитируют мнение Р. Рэнгема [24, с. 173-190].

¹⁶ Парохильный альтруизм – это альтруизм, направленный преимущественно на членов своей социальной группы (например семьи, нации, сообщества) и сопровождающийся враждебным отношением или безразличием к представителям других групп. Это проявление групповой солидарности, где поддержка и забота оказываются «своим», тогда как к «чужим» отношение может быть негативным.

репутация приобрела большое значение [24, с. 182-183]. Репутация доброго, всегда готового помочь человека могла сослужить очень хорошую службу – так доброта стала вознаграждаться, а добродетель стала адаптивным поведением.

В плейстоцене¹⁷ в отношении неодомашенных индивидов у человека как вида сформировалась новая способность: коалиционные объединения начали, похоже, **сознательно убивать** тех членов группы, которые применяли физическую силу в своих интересах и не прислушивались к чужому мнению. Некоторые ученые считают, что казнь оказалась единственным способом предотвратить превращение таких людей в тиранов. Обратим внимание политологов именно на эту ключевую мысль о появлении политики – в этом, полагаем, может состоять ее природа в догосударственный период.

О роли доминантного самца в противостоянии реактивной агрессии у шимпанзе много писал Ф. де Вааль: «Альфа-самцами не рождаются, и своего положения они достигают не только благодаря темпераменту и размерам. Статус альфы у приматов подразумевает нечто более сложное и ответственное, чем просто держать всех в страхе ... Обладатель этого статуса далеко не всегда будет самым крупным, сильным и злым в группе, поскольку на вершину он зачастую пробивается при поддержке остальных... Большинство альфа-самцов защищают слабых, поддерживают мир в стае и утешают пострадавших... Когда вспыхивает потасовка, все оглядываются на альфу – как он поступит. Он последняя инстанция, третейский судья, который стремится восстановить мир и порядок. И поэтому он встанет между вопящими противоборствующими сторонами и будет стоять, величественно воздев руки, пока все не успокоится» [28, с. 255]. В то же время Ф. де Вааль описывал в своих трудах немало случаев, когда группа самцов буквально «казнила» вожака стаи, который излишне доминировал (наносил ему тяжкие увечья, от которых он умирал), а также их умение создавать коалиции для максимизации своей (пока еще не групповой) власти [19, с. 63, 116-167].

В этом смысле, пишет Р. Рэнгем, охотники-собиратели принципиально отличаются от шимпанзе или горилл, потому что их статус не связан с физической силой [24, с. 208]. Человекообразные обезьяны и другие приматы становятся альфами, одержав безусловную победу над предыдущим альфа-самцом во время схватки. В отличие от них, у кочующих охотников-собирателей (наших предков) не было ни позиций, эквивалентных позиции альфа-самца, ни схваток. В редких случаях, когда в группах охотников-собирателей все же появляется временный лидер, например человек, проявляющий инициативу при принятии групповых решений, важную роль играет его **репутация**. То есть, чтобы добиться власти, человек должен выдвигать разумные аргументы в спорах, уметь разрабатывать хороший план действий, ловко вести переговоры, уметь рассказывать увлекательные истории или убедительно предсказывать будущее. Такой человек может стать вожаком или старейшиной, но эту позицию он заработает благодаря своей мудрости и умению убеждать, а не благодаря наглости, напору и физической силе.

В 1982 г. антрополог Д. Вудберн отметил потенциальную опасность, которую несут в себе конфликты между вооруженными¹⁸ (ключевое слово) мужчинами. Мужчины изучаемого им в Танзании племени Хадза «осознают риск, что их могут убить во сне...

¹⁷ Плейстоцен – эпоха четвертичного периода кайнозойской эры, предшествующая современной эпохе, голоценовой. Плейстоцен начался ориентировочно 2,5 млн лет назад и закончился около 12 тыс. лет назад.

¹⁸ Обратим внимание на это слово, но в данной статье мы не планируем изучать вызванную появлением оружия войну – как направленную ВОВНЕ группы проактивную агрессию.

или устроить им засаду в лесу» [24, с. 209]. Тогда он предположил, что отсутствие альфа-самцов у охотников-собирателей связано с убийствами: «Тот факт, что любого человека можно тайно убить... напрямую действует как мощный механизм стабилизации общества. Неравенство в обладании имуществом, властью или престижем... может быть опасным для обладателей этих благ, если в обществе отсутствуют механизмы эффективной защиты» [29].

Обратим внимание на позицию психологов, объясняющих смертную казнь, как, впрочем, любой социальный институт, ее архетипичностью: «Всякий раз, когда обнаруживается, что какой-либо феномен характерен для всех человеческих сообществ, независимо от культуры, расы или исторической эпохи, он является выражением архетипа коллективного бессознательного» [27, с. 26]. «Эта коллективная история биологически закодирована в коллективном бессознательном, – писал Э. Стивенс, – и код обязан своим происхождением столь отдаленному прошлому, что оно окутано первобытным туманом эволюционного времени» [27, с. 27].

В 1993 г. К. Бём на более широкой выборке (проанализировав данные по нескольким десяткам наиболее изученных сообществ охотников-собирателей) проверил идею Вудберна о том, что в основе эгалитаризма¹⁹ лежит **устранение альфа-самцов**. Он показал: во всех сообществах существует универсальное социальное правило: человек не должен пытаться доминировать над другими. В то же время отдельные люди постоянно пытаются возвыситься над другими с помощью запугивания или обмана. И К. Бём сделал вывод: людей, претендующих на роль тиранов, ограничивает та или иная форма социального давления [30, с. 68].

Социальный контроль при этом может проявляться в публичных неодобрениях, оскорблениях, бойкоте, стыде, остракизме и даже изоляции. Эту идею впервые выдвинул французский социолог и философ Э. Дюркгейм. Когда нарушитель не реагирует на вербальное и социальное давление, тогда людям приходится прибегать к крайней мере – смертной казни. Устраняя самых деспотичных членов общества, смертная казнь поддерживала в период, имевший место до появления государств, существование уникального для человека феномена эгалитарной иерархии (по сути, общественной власти), в рамках которой стремление к доминированию успешно подавляется [31].

Один из механизмов, с помощью которого смертная казнь снижает уровень агрессии в обществе, – поощрение послушания. Во многих сохранившихся сообществах охотников-собирателей детям и взрослым постоянно напоминают о том, что нельзя быть слишком напористыми, и в разговорах критика встречается намного чаще, чем похвала. А центральное место гипотезы смертной казни состоит в том, что на протяжении многих тысяч поколений ее жертвами становились в основном люди с повышенной склонностью к реактивной агрессии. Конечно, сегодня нельзя ни измерить частоту казней, ни оценить факторы давления отбора в плейстоцене. Однако в пользу того, что синдром одомашнивания возник, видимо, в этот период как следствие смертных казней, свидетельствуют, на наш взгляд, два аргумента: 1) факт существования мужского эгалитаризма в человеческих сообществах, не достигших государственного состояния; 2) сохранение смертной казни в большинстве современных обществ (уже в качестве правового института [32]).

Важный момент нашего понимания функциональности смертной казни у охотников-

¹⁹ Эгалитаризм – концепция, основанная на идее равенства, предполагающая построение общества с равными социальными и гражданскими правами, возможностями и доступом к ресурсам для всех его членов.

собирателей связан с действием в мировоззрении наших предков многочисленных табу²⁰, которые формировались в условиях сильных страхов. По З. Фрейду, первой формой мировоззрения, которая сложилась в то время, был анимизм²¹ [33, с. 8, 50]. В его рамках табу несли многочисленные запреты, нарушение которых автоматически приводило к наказаниям. По мнению З. Фрейда, в основе этих запретов лежало нечто вроде теории, будто запреты необходимы потому, что определенным лицам и вещам присуща опасная сила, передающаяся при прикосновении к заряженному ею объекту, подобно инфекции. Эта сила «присуща всем персонам, чем-то выделяющимся, таким как короли, жрецы, новорожденные; всем исключительным состояниям... всему жуткому, скажем, болезни, смерти, и всему связанному с ними в силу их способности заражать и распространяться» [33, с. 51]. То есть, табу одновременно было свято для людей плейстоцена, возвышалось над обыденным, но еще и опасно, нечисто, жутко. Табу было подвержено всё, что по какой-либо причине вызывало чувство испуга или жути. При этом З. Фрейд считал, что «запреты обычаев и морали, которым повинемся мы сегодня, по существу своему, могли иметь нечто родственное с этим первобытным табу» [33, с. 52].

При этом власть (ее олицетворяли в позднем плейстоцене вожди, короли и жрецы) пользовалась правом особенно действенного табу²² и её представители сами были подвержены сильнейшему ограничению (табу). Почему мы считаем, что табу и смертная казнь были в то время институтом? Потому, что запреты касались действий, к которым у людей существовала сильная склонность, а также потому, что «страх сильнее удовольствия» [33, с. 62]. Табу стало древнейшим запретом, навязанным извне (каким-то авторитетом) и направленным против сильнейших вожелений людей (в том числе – стремления к власти).

Наверно, мы упрощаем, но все же напомним, что у наших ближайших родственников (приматов) самый сильный самец, как правило, становится и становится альфа-самцом в ходе победной схватки с другими претендентами на власть. «Король или вождь будит зависть своими привилегиями, – пожалуй, каждый хотел бы стать королем» [33, с. 64]. Однако, полагал З. Фрейд, табу короля в период плейстоцена было чересчур сильным для его подданных, потому что социальные различия между ними были слишком велики. Нельзя касаться того, у кого есть власть, ибо касание – это начало любого овладения, любой попытки подчинить себе человека или вещь [33, с. 65].

Амбивалентность сознания наших предков в плейстоцене означала одновременное действие двух принципов: представителей власти нужно остерегаться и оберегать. Оба

²⁰ Мы придерживаемся точки зрения, что табу – это строгий запрет на совершение какого-либо действия, основанный на вере в то, что подобное действие является либо священным, либо несущим проклятие для обывателей под угрозой сверхъестественного наказания, даже смерти. В переносном смысле табу может означать вообще всякий запрет, нарушение которого обычно рассматривается как угроза обществу, без четкого осознания, какая именно это угроза. Система табу – древнейший неписанный кодекс, явно предшествовавший законам и иным правовым нормам. Основа табу – запретное действие, к совершению которого существует сильная склонность в бессознательном.

²¹ Анимизм (от лат. *anima*, *animus* – «душа» и «дух» соответственно) – вера в существование души и духов, вера в одушевленность всей природы. К нему, полагал З. Фрейд, привели наблюдения людей над состоянием сна и смерти, желание объяснить их, а главное, освободиться от страха перед собственной кончиной.

²² В нашей стране сегодня это табу, по-видимому, звучит примерно так: «Не трогайте власть руками».

принципа реализовывались при помощи многочисленных предписаний – табу. Остерегаться нужно было потому, что они являются носителями таинственной и опасной чудодейственной силы, передающейся через прикосновение и приносящей смерть и гибель всякому, кто сам не защищен табу. Неудивительно, как пишет З. Фрейд, что со временем появилась потребность изолировать от других столь «опасных лиц», как вожди и жрецы, воздвигать вокруг них стену, за которой они были бы недоступны для остальных людей» [33, с. 76].

Важно обратить внимание на позицию британского антрополога Д. Фрэзера о том, что со временем у наших предков «жреческо-королевский ранг перестал быть чем-то желанным; тот, кому он предназначался, часто прибегал к всевозможным ухищрениям, чтобы избавиться от него» [34, с. 11]. Это нежелание принимать официальную власть иногда приводило к тому, что «того, на кого падал выбор, хватали, связывали и содержали под стражей до тех пор, пока он не заявлял, что готов принять корону», а зачастую племена были вынуждены делать своими королями чужеземцев [34, с. 18].

При этом практически у всех людей сохранялось враждебное отношение к представителям власти, что выражалось в королевском табу (подсознательной враждебности к носителю власти). У некоторых племен долгое время было право избивать выбранного ими короля вечером накануне коронации, которым они пользовались [33, с. 84]. А обряд королевского табу, являющийся вроде бы высшим почитанием и защитой королей, по сути, представлял собой наказание за их возвышение, то есть месть со стороны подданных. Поэтому, по мнению Д. Фрэзера, первые короли в основном были чужеземцами, предназначенными после короткого периода властвования к принесению в жертву на торжественном празднике в честь представителей божества [34].

Таким образом, смертную казнь (как умышленное убийство, а не как результат реактивной агрессии), скорее всего, можно считать неотъемлемым человеческим свойством, основой мышления человека. Дело в том, что для умышленного убийства/казни необходима речь. Как пишет Р. Рэнгем, «критика и насмешки, которыми наши предки осыпали агрессоров, основаны на сплетнях и пересудах. Когда мягкие методы социального контроля не работают, люди начинают перешептываться, не пора ли убить агрессора» [24, с. 217]. Но тут, пишет Бём, всегда возникает щекотливая ситуация, – тот, кто заговорит первым, подвергает свою жизнь опасности. Поэтому плетение сети подозрений, приводящих к последующему убийству, требует такой осторожности [30, р. 79]. Что, как не политика, было описано нами в этом абзаце?

Выводы. Самоодомашнивание человека в плейстоцене было, видимо, очень тесно связано с изобретением смертной казни (организованного и тщательно спланированного убийства). В условиях достаточно дружелюбных отношений друг к другу возможность оказаться социальным изгоем была гораздо опаснее, чем сегодня, то есть, в основе нравственного поведения лежит общественное осуждение и стремление его избежать. Эта гипотеза, на наш взгляд, нуждается в дальнейшем изучении не только эволюционными биологами, социобиологами, но и политологами.

Власть у охотников-собирателей стала результатом борьбы нескольких сильных мужчин (об этом в данной статье мы написали мало, но планируем сделать это в последующем, основываясь на исследованиях Э. Б. Тайлора, Р. Лоуи, Р. Рэнгема, и др.) с так называемым «альфа-самцом» (самым агрессивным и неконтролируемым мужчиной). Так возникла новая власть – власть мужской коалиции. Ее смысл, как нам представляется, понятен: безграничная власть, в отличие от общественной власти, несет в себе страшный потенциал для общества и для каждого человека, поэтому с ней нужно бороться. Так смертная казнь стала политическим институтом. Эту гипотезу также следует изучать

политологам, особенно в рамках специальности 5.5.2 «Политические институты, процессы, технологии».

Эволюционное ограничение реактивной агрессии у наших предков, тем не менее, привело к усилению проактивной (организованной и тщательно спланированной) агрессии. Наша природная жестокость (заметная у шимпанзе и горилл) в условиях неолита (постоянно увеличивающегося количества совместно проживающих людей в период формирования племен) изменила форму и проявилась в появлении государства, которое, скорее всего, было вынуждено эту жестокость ограничивать и удерживать в строгих рамках. Эту мысль политологам также следует изучать в будущих исследованиях. Заметим, что в этот период заметно расширившаяся социальность привела к качественному изменению смертной казни, которая, полагаем, со временем в условиях государственности все же практически перестала быть политическим институтом, но продолжает иногда оставаться политическим средством.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ:

1. Устинович, Е. С. *К вопросу современного этапа развития политико-экономических исследований в российской политической науке: "политическая экономия" или "экономическая политология"?* / Е. С. Устинович // *Известия Юго-Западного государственного университета. Серия: История и право.* 2021. Т. 11, № 5. DOI 10.21869/2223-1501-2021-11-5-167-178. EDN XSHUHF.
2. *Проблемы модернизации экономики и экономической политики России. Экономическая доктрина Российской Федерации* / Редакц.-издат. группа: С. С. Сулакшин, В. Э. Багдасарян, М. В. Вилисов, и др. / *Материалы Российского научного экономического собрания (Москва, 19-20 октября 2007 г.). - Москва: Научный эксперт, 2008.*
3. *Экономическая доктрина Российской Федерации (макет-проект)* / под научной редакцией С. С. Сулакишина. Монография. - Москва: Научный эксперт, 2008.
4. Шишкина Т. *Экономическая антропология: История возникновения и развития* / Татьяна Шишкина. Москва: Издательство АСТ, 2025.
5. Миссия Фонда «Институт социально-экономических и политических исследований» [Электр. ресурс]. URL: <https://web.archive.org/web/20160403074803/http://www.isepr.ru/about/mission/>
6. РИА Новости [сайт] Институт социально-экономических и политических исследований (фонд) [Электр. ресурс]. URL: https://ria.ru/organization_Institut...skikh_issledovaniij_fond/
7. *Наука и власть: проблема коммуникаций* / Редакц.-издат. группа: С.С. Сулакшин, Е. В. Сазонова, И. Ю. Колесник, и др. // *Материалы Всероссийской научно-практической конференции (Москва, 26 сентября 2008 г.). - Москва: Научный эксперт, 2009.*
8. Сморгунов, Л. В. *Онтологические повороты в современной политической науке: в поисках адекватности политике* / Л. В. Сморгунов // *Социальные и гуманитарные знания.* 2020. Т. 6, № 2(22). С. 129. DOI 10.18255/2412-6519-2020-2-122-133. – EDN YPBVNM.
9. Данкова Ж. Ю., Забузов О. Н., Мельков С. А. *Новая научная специальность по политологии «Государственное управление и отраслевые политики» как особое предметное поле политической науки* // *Наука. Культура. Общество.* 2022. Т. 28, № 4. DOI: 10.19181/nko.2022.28.4.9. EDN EXRLWW.
10. Карелина И. М. *Государственное регулирование общественных отношений: политологический анализ.* -Москва: ООО «Угрешская типография», 2009.

11. Ведута Е. Н. *Стратегия и экономическая политика государства*. - Москва: Академический Проект, 2003.
12. Якунин В. И., Багдасарян В. Э., Сулакишин С. С. *Идеология экономической политики: проблема российского выбора*. - Москва: Научный эксперт, 2008.
13. Путин усомнился, что политологию можно отнести к наукам [Электр. ресурс]. URL: <https://www.rbc.ru/politics/07/07/2022/62c709d79a79476ce598ffbf>
14. Вузы отдадут квоты инженерам [Электр. ресурс]. URL: <https://www.kommersant.ru/doc/7514525>
15. Соловьёв А. И. *Политика и управление государством. Очерки теории и методологии: Монография / А. И. Соловьёв*. - Москва: Издательство «Аспект Пресс», 2021.
16. Демидов А. И., Долгов В. М., Малько А. В. *Политология: Учебник*. - Москва: Гардарики, 2005.
17. *Политология. Под общей редакцией А. П. Кошкина; отв. ред. В. В. Черданцев*. - Москва: КНОРУС, 2019.
18. Пугачёв В. П., Соловьёв А. И. *Введение в политологию: Учебник для студентов вузов*. - Москва: Аспект Пресс, 2010.
19. Де Вааль Ф. *Политика у шимпанзе: Власть и секс у приматов / пер. с англ. Д. Кралечкина; под ред. В. Анашвили; Нац. исслед. ун-т "Высшая школа экономики"*. - Москва: Изд. дом Высшей школы экономики, 2018.
20. Аузан А. А. *Культурные коды экономики: Как ценности влияют на конкуренцию, демократию и благосостояние народа / А. А. Аузан*. - Москва: Издательство АСТ, 2025.
21. Уилсон Э. *Эусоциальность*. М.: Альпина нон-фикшн, 2020.
22. Шмитт К. *Теория партизана*. - Москва: Праксис, 2007.
23. Юнкер, Т. *Эволюция человека / Томас Юнкер; пер. с нем. Полины Щекиной*. Минск: Дискурс, 2020.
24. Рэнгем, Р. *Парадокс добродетели. Странная история взаимоотношений нравственности и насилия в эволюции человека / пер. с англ. С. Долотовской*. Москва: Издательство АСТ: COPRUS, 2025.
25. Ридли, М. *Происхождение альтруизма и добродетели / Мэтт Ридли; [пер. с англ. А. Чечиной]*. - Москва: Издательство «Э», 2016.
26. Дугаткин Л., Трут Л. *Как приручить лису (и превратить в собаку). Сибирский эволюционный эксперимент*. - Москва: Альпина нон-фикшн, 2019.
27. Энтони Стивенс. *Самость, которой два миллиона лет*. - Москва: Касталия, 2021.
28. Вааль де Ф. *Последнее объятие Мамы. Чему нас учат эмоции животных / Франс де Вааль; Пер. с англ.* - Москва: Альпина нон-фикшн, 2020.
29. Burch E. S. *The Eskimos*. Norman, OK: University of Oklahoma Press, 1988.
30. Boehm, C. 1999. *Hierarchy in the Forest: The Evolution of Egalitarian Behavior*. Cambridge, Mass.: Harvard University Press.
31. Durkheim, E. *The Division of Labor in Society*. New York: Free Press, 1902.
32. Лепешкина О. И. *Смертная казнь: Опыт комплексного исследования / О. И. Лепешкина*. СПб.: Алетейя, 2010.
33. Фрейд З. *Тотем и табу / Зигмунд Фрейд; пер. с нем. Р.Ф. Додельцова*. Санкт-Петербург.: Азбука, Азбука-Аттикус, 2023.
34. Frazer J. *The Magic Art and the Evolution of Kings // The Golden Bough*.

REFERENCES:

1. Ustinovich, E. S. *On the Current Stage of Development of Political and Economic Research in Russian Political Science: "Political Economy" or "Economic Political Science"?* / E. S.

- Ustinovich // *Bulletin of the Southwestern State University. Series: History and Law*. 2021. Vol. 11, No. 5. DOI 10.21869/2223-1501-2021-11-5-167-178. EDN XSHUHF.
2. *Problems of Modernization of the Economy and Economic Policy of Russia. Economic doctrine of the Russian Federation / Editorial and publishing group: S. S. Sulakshin, V. E. Bagdasaryan, M. V. Vilisov, et al. / Proceedings of the Russian Scientific Economic Meeting (Moscow, October 19-20, 2007)*. Moscow: Scientific expert, 2008.
 3. *Economic Doctrine of the Russian Federation (mock draft) / edited by S. S. Sulakshin. Monograph*. Moscow: Scientific Expert, 2008. 360 pp.
 4. Shishkina T. *Economic Anthropology: History of Origin and Development / Tatyana Shishkina*. Moscow: AST Publishing House, 2025.
 5. *Mission of the Institute for Socio-Economic and Political Research [Electronic resource]*. URL: <https://web.archive.org/web/20160403074803/http://www.isepr.ru/about/mission/>
 6. RIA Novosti [website] *Institute of Socio-Economic and Political Research (Foundation) [Electronic resource]*. URL: https://ria.ru/organization_Institut_...skikh_issledovaniij_fond/
 7. *Science and Power: the problem of communications / Editorial and publishing group: S.S. Sulakshin, E. V. Sazonova, I. Yu. Kolesnik, et al. // Proceedings of the All-Russian scientific and practical conference (Moscow, September 26, 2008)*. Moscow: Scientific expert, 2009.
 8. Smorgunov, L. V. *Ontological Turns in Modern Political Science: in search of adequacy to politics / L. V. Smorgunov // Social and humanitarian knowledge*. 2020. Vol. 6, No. 2(22). PP. 129. DOI 10.18255/2412-6519-2020-2-122-133. – EDN YPBVNM.
 9. Dankova Zh. Yu., Zabuzov O. N., Melkov S. A. *New Scientific Specialty in Political Science "Public Administration and Industry Policies" as a special subject field of political science // Science. Culture. Society*. 2022. Vol. 28, No. 4. DOI: 10.19181/nko.2022.28.4.9. EDN EXRLWW.
 10. Karelina I. M. *State Regulation of Public Relations: political science analysis*. Moscow: Ugreshskaya Typography LLC, 2009.
 11. Veduta E. N. *Strategy and Economic Policy of the State*. Moscow: Academic Project, 2003.
 12. Yakunin V. I., Bagdasaryan V. E., Sulakshin S. S. *Ideology of Economic Policy: the problem of Russian choice*. Moscow: Scientific expert, 2008.
 13. *Putin doubted that political science could be considered a science [Electronic resource]*. URL: <https://www.rbc.ru/politics/07/07/2022/62c709d79a79476ce598ffbf>
 14. *Universities will allocate quotas to engineers [Electronic resource]*. URL: <https://www.kommersant.ru/doc/7514525>
 15. Soloviev, A. I. *Politics and Public Administration. Essays on Theory and Methodology: Monograph*. Moscow: Aspect Press Publishing House, 2021.
 16. Demidov A. I., Dolgov V. M., Malko A. V. *Political Science: Textbook*. Moscow: Gardariki, 2005.
 17. *Political Science*. General editor A. P. Koshkin; responsible editor V. V. Cherdantsev. Moscow: KNORUS, 2019.
 18. Pugachev V. P., Solovyov A. I. *Introduction to Political Science: Textbook for University Students*. Moscow: Aspect Press, 2010.
 19. De Waal, F. *Chimpanzee Politics: Power and Sex in Primates / translated from English by D. Kralechkin; edited by V. Anashvili; National Research University Higher School of Economics*. Moscow: Publishing House of the Higher School of Economics, 2018.
 20. Auzan, A. A. *Cultural Codes of Economics: How Values Influence Competition, Democracy, and the Welfare of the People*. Moscow: AST Publishing House, 2025.
 21. Wilson E. *Eusociality*. Moscow: Alpina Non-Fiction, 2020.
 22. Schmitt K. *Theory of the partisan*. M.: Praxis, 2007.
 23. Juncker, T. *Human Evolution / Thomas Juncker; translated from German by Polina Shchekina*. Minsk: Diskurs, 2020.

24. Wrangham, R. *The Virtue Paradox: The Strange History of the Relationship between Morality and Violence in Human Evolution* / translated from English by S. Dolotovskaya. Moscow: AST: COPRUS Publishing House, 2025.
25. Ridley, M. *The Origins of Altruism and Virtue* / Matt Ridley; [translated from English by A. Chechina]. Moscow: Izdatelstvo "E", 2016.
26. Dugatkin L., Trut L. *How to tame a fox (and turn it into a dog). Siberian evolutionary experiment.* Moscow: Alpina non-fiction, 2019.
27. Anthony Stevens. *The Two-Million-Year-Old Self.* Moscow: Kastalia, 2021.
28. Waal de F. *Mother's Last Hug: What Animal Emotions Teach Us; Translated from English.* Moscow: Alpina Non-Fiction, 2020.
29. Burch E. S. *The Eskimos.* Norman, OK: University of Oklahoma Press, 1988.
30. Boehm, C. 1999. *Hierarchy in the Forest: The Evolution of Egalitarian Behavior.* Cambridge, Mass.: Harvard University Press.
31. Durkheim, E. *The Division of Labor in Society.* New York: Free Press, 1902.
32. Lepeshkina O. I. *Death Penalty: Experience of a Comprehensive Study* / O. I. Lepeshkina. St. Petersburg: Aletya, 2010.
33. Freud Z. *Totem and Taboo* / Sigmund Freud; translated from German by R.F. Dodeltsova. St. Petersburg: Azbuka, Azbuka-Atticus, 2023.
34. Frazer J. *The Magic Art and the Evolution of Kings // The Golden Bough.*